

На правах рукописи

Офицеров Сергей Александрович

**МОНАРХИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ
В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ НАЧАЛА XX ВЕКА**

5.6.1. Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Тамбов – 2026

Работа выполнена на кафедре «История и философия»
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»

- Научный руководитель:** Самохин Константин Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент
- Официальные оппоненты:** Акульшин Петр Владимирович,
доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ
ВО «Рязанский государственный медицинский
университет имени академика И.П. Павлова»,
заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин
- Разиньков Михаил Егорович,
кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ
ВО «Воронежский государственный лесотех-
нический университет имени Г.Ф. Морозова»,
доцент кафедры социально-гуманитарных наук
- Ведущая организация:** ФГБОУ ВО «Пензенский государственный
университет»

Защита состоится «15» июля 2026 года в 12.00 часов на заседании совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук 99.2.052.03 на базе ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» по адресу: 392003, г. Тамбов, ул. Рылеева, д. 52А, зал заседаний диссертационных советов.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» по адресу: 392012, г. Тамбов, ул. Советская, д. 6 и на официальном сайте ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» <http://www.tsutmb.ru>.

Автореферат разослан « _____ » _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук, доцент

Жуковская Наталия Юрьевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Вследствие совокупного действия многих факторов: природно-климатического, пространственно-географического, социально-экономического, социокультурного, военно-политического характера – одним из наиболее значимых содержательных элементов общественно-политического сознания российского социума явилась идея, концепт самодостаточности, самодовлеющего значения публичной власти и такой ее формы, как государство. При этом последнее рассматривалось, скорее, не в контексте некой совокупности рационально организованных политических институтов, а сквозь призму личности того человека, который это самое государство и олицетворял. Иными словами, проекция государственно-правовых порядков в политическом сознании социума отличалась довольно высокой степенью их персонализации. Адекватной политической формой, одновременно выражающей эту особенность и подпитываемой ею, стала модель российской абсолютной монархии, известной как самодержавие.

В данном контексте особый прикладной интерес вызывает исследование взаимодействия и взаимообусловленности следующих феноменов: состояния и динамики общественно-политического сознания социума в начале XX века, воздействующих на него факторов внешней среды – социально-политических, военно-политических, экономических и культурных, а также усилий государства по обеспечению устойчивости политического строя, осуществлению политико-идеологического контроля, обеспечивающего лояльность населения по отношению к верховной власти. Безусловно, современный российский социум существует в иной социально-политической среде по сравнению с тем, что было в начале XX века, однако упомянутая преемственность политических традиций, стереотипов политического сознания, восприятия и осмысления политических явлений и процессов говорит в пользу, как минимум, полезности изучения соответствующего исторического опыта. Анализ факторов и трендов динамики политического сознания социума, усилий государства по приданию данному процессу требуемой направленности, их результативности представляется востребованным в свете существующих вызовов устойчивости, наличествующих политической системы и строю, принимая во внимание сохраняющийся персонализм в восприятии высшей власти значительной частью современного российского общества.

Объектом исследования являются состояние и динамика консервативно-монархических настроений жителей российской аграрной провинции в начале XX века.

Предметом исследования стали формы объективации консервативно-самодержавных настроений различных социальных групп населения Тамбовской губернии; факторы, обуславливавшие их динамику; деятельность право-консервативных монархических организаций, чиновно-бюрократического аппарата по формированию и поддержанию монархических настроений.

Хронологические рамки исследования. Временной диапазон научного анализа объекта и предмета исследования в рамках диссертации охватывает период с 1900 до 1914 г. Определение начальных временных рамок именно с 1900 г. связано с тем, что он стал отправной точкой довольно острого и глубокого социально-экономического, а затем и политического кризиса, охватившего Российскую империю в начале XX века. Выбор в качестве финальных хронологических рамок диссертации начала Первой мировой войны обусловлен тем, что последняя выступила сама по себе самостоятельным фактором полной маргинализации консервативно-монархического сегмента политического сознания российского социума, потому ее роль в столь резкой эрозии консервативно-монархических общественных настроений, на наш взгляд, нуждается в отдельной разработке в рамках самостоятельного диссертационного исследования.

Географические рамки исследования. Пространственная локализация настоящей диссертационной работы определялась с учетом того обстоятельства, что Тамбовская губерния являлась в исследуемый период довольно однородным в социальном и экономическом плане регионом с преобладанием крестьянства в структуре населения, аграрного производства в системе экономических отношений, слабо выраженной ролью городов как центров промышленного производства. Такого рода экономические и социальные условия были характерны для целого ряда земледельческих регионов Центрального Черноземья, Поволжья, Украины и некоторых центральных губерний Европейской части Российской империи. Это обстоятельство дает нам основание утверждать потенциальную возможность экстраполяции выводов и наблюдений о факторах и динамике консервативно-монархического тренда в общественном сознании исследуемого региона на территориальный уровень, простирающийся шире, нежели его границы в начале XX века.

Степень разработанности темы исследования. Теоретическое изучение и обоснование института самодержавия как единственно приемлемой формы правления в России под влиянием народничества и возникавших в обществе дискуссий о возможности введения конституционной монархии приобрело новый этап со второй половины XIX века. Важной особенностью появившихся работ этого периода было исследование взаимодействия верховной власти и народа, исторической ретроспективы отношения населения империи к самодержавию, объяснение исконной монархичности русских людей. Именно в таком ракурсе следует рассматривать взгляды и концепции, представленные в трудах Н. Я. Данилевского¹, М. Н. Каткова², К. П. Победоносцева³, К. Н. Леонтьева⁴, В. С. Соловьева⁵, А. А. Зандера⁶, В. В. Розанова⁷, Н. И. Черняева⁸, Д. А. Хомякова⁹ и др.

¹ Данилевский Н. Я. Несколько слов по поводу конституционных вождедений нашей «либеральной прессы». Московские ведомости. 1881. 20 мая // Сборник политических и экономических статей Н. Я. Данилевского. СПб.: Типография брат. Пантелеевых, 1890. С. 220-230.

² Катков М. Н. О самодержавии и конституции. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1905. 68 с.

³ Победоносцев К. П. Церковь // Победоносцев К. П. Сочинения. СПб.: Наука, 1996. С. 390-405.

⁴ Леонтьев К. Н. Записки отшельника. М.: Эксмо, 1993. 576 с.

Либерально настроенные обществоведы, обосновывая свою позицию, утверждали, что только в рамках конституционной монархии осуществимо истинное единение между властью и народом. Такой аспект решения проблемы предлагали Г. Кох¹⁰, Л. З. Слонимский¹¹, М. Александров¹², Б. Н. Чичерин¹³, Б. Линский¹⁴, А. Л. Ксюнин¹⁵ и др.

Представители социалистического лагеря также не остались в стороне от изучаемой темы. А. Н. Потресов характеризовал отношение к самодержавию населения после 1881 г. идеологией усталого равнодушия и общественным индифферентизмом¹⁶. По мнению Г. В. Плеханова, полное подчинение русского народа интересам государства произошло вследствие вынужденных исторических условий выживания. Невежественные русские крестьяне являлись опорой деспотизма, разрушение общины неминуемо повлекло за собой гибель монархии¹⁷. В. И. Ленин, признавая монархические иллюзии народа, преувеличивал размах революционного движения¹⁸.

В советской историографии по объективным причинам, обусловленным марксистско-ленинскими идеологемами, монархические настроения специально не исследовались или использовались для иллюстрации темноты и забитости крестьянских и мещанских масс, одурманенных царским режимом и церковью. Тем не менее, с 1970-х гг. в контексте изучения общественно-политических процессов второй половины XIX – начала XX века появляются исследования, затрагивающие взаимоотношения самодержавия и отдельных классов¹⁹. В частности, В. С. Дякиным рассматривалось взаимодействие между существующим

⁵ Соловьев В. С. Публичная лекция, читанная профессором Соловьевым в Кредитном обществе // Соловьев В. С. Сочинения: В 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 1. С. 39-42.

⁶ Зандер А. А. Исторический очерк развития самодержавной верховной власти в России. Вильно: Типо-лит. Р. И. Тасьмана, 1908. 32 с.

⁷ Розанов В. В. О подразумеваемом смысле нашей монархии. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1912. 87 с.

⁸ Черняев Н. И. О русском самодержавии. М.: Унив. тип., 1895. 71 с.

⁹ Хомяков Д. А. Самодержавие (Опыт схематического построения этого понятия). М.: Типо-литография т-ва «И. Н. Кушнерев и К^о», 1903. 58 с.

¹⁰ Кох Г. Очерки по истории политических идей и государственного управления. Т. I. Ч. 1-2. СПб.-М.: Издание С. Скимунга, 1892. 403 с.

¹¹ Слонимский Л. З. О монархии. СПб.: Полит. энциклопедия, 1907. 89 с.

¹² Александров М. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. СПб.: издательство «Жизнь и знание», 1910. 175 с.

¹³ Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М.: типография Товарищества И. Д. Сытина, 1899. 810 с.; Он же. Россия накануне двадцатого столетия. Берлин: Издательство: Гуго Штейниц, 1901. 160 с.; Он же. Вопросы политики. М.: типо-литографии т-ва «И. Н. Кушнерев и К^о», 1903. 170 с.

¹⁴ Линский Б. Голос и воля народа в государстве. СПб.: О. С. Иодко, 1906. 32 с.

¹⁵ Ксюнин А. Л. Что такое Государственная дума? Конституционная монархия. Права и обязанности народных представителей. Выборы. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1907. 39 с.

¹⁶ Потресов А. Н. Эволюция общественной мысли в предреволюционную эпоху // Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1909. Т. 1 С. 53; Он же. Этюды о русской интеллигенции. Сб. ст. СПб.: Издательство О. М. Поповой, 1906. С. 240.

¹⁷ Плеханов Г. В. История русской общественной мысли (Книга первая). Ч. 1. Введение. Очерк развития русских общественных отношений // Плеханов Г. В. Сочинения. М.-Л.: Государственное издательство, 1925. Т. XX. С. 94.

¹⁸ Ленин В. И. Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. М.: Издательство политической литературы, 1968. С. 339-353.

¹⁹ Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М.: Мысль, 1970. 442 с.

политическим режимом и господствующими классами²⁰. В. Я. Лаверычев исследовал противоречия между царским правительством и рабочим классом, акцентируя внимание на социальных, экономических и политических аспектах этих отношений²¹. А. М. Давидович настаивал на том, что крестьянство не являлось массовой социальной опорой самодержавия²². Напротив, А. Я. Аврех заключал, что в крестьянской среде царизм трактовался с позиций божественного происхождения власти²³. Б. В. Ананьич и Р. Ш. Ганелин, анализируя альтернативы развития государственности в связи с проведением реформ после Манифеста 17 октября, пришли к выводу о кризисе патерналистской консервативной идеологии в начале XX века²⁴. По утверждению Н. Я. Эйдельмана, вера в царя исторически была присуща русскому народу, сливаясь с верой в бога, но власть не смогла в должной мере этим воспользоваться, опоздав с «революцией сверху»²⁵.

С последнего десятилетия XX века получила переоценку тема монархического движения: социальный состав, программы, направления деятельности. С. А. Степанов отстаивал народность и демократический вектор правомонархических объединений, возникших в результате национального движения на окраинах империи²⁶. И. В. Омелянчук, изучая генезис и эволюцию черносотенного движения, его роль и место в общественно-политической жизни в Российской империи, пришел к выводу, что раскол консервативно-монархических организаций был спровоцирован правительством, которое после поражения революции и установления третьеиюньской политической системы не нуждалось в союзе с правыми партиями²⁷.

Следует отметить работы, посвященные непосредственно идеям монархизма и их восприятия в массовом сознании конца XIX – начала XX века. Здесь необходимо выделить диссертационное исследование Г. Л. Лобачевой, проследившей рост антагонизма между властью и обществом в начале XX века, особенно в период Первой русской революции, когда происходила демифологизация и десакрализация прежних установок о верховной власти²⁸. А. К. Карабут были выявлены этапы девальвации монархического идеала в условиях нарастания кризиса российской государственности, а также восприятие монархических идей различными группами населения²⁹.

²⁰ Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1914 гг. Л.: Наука, 1978. 246 с.

²¹ Лаверычев В. Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861-1917 гг.). М.: Мысль, 1972. 342 с.

²² Давидович А. М. Самодержавие в эпоху империализма (Классовая сущность и эволюция абсолютизма в России). М.: Наука, 1975. С. 67-76.

²³ Аврех А. Я. Распад третьеиюньской системы. М.: Наука, 1985. С. 9.

²⁴ Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб.: Наука, 1991. 221 с.; Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Кризис власти в России. Реформы и революционный процесс. 1905-1907 годы // История СССР. 1991. № 2. С. 96-106.

²⁵ Эйдельман Н. Я. «Революция сверху» в России. М.: Книга, 1989. С. 60, 169.

²⁶ Степанов С. А. Черная сотня в России (1905-1914 гг.). М.: Изд-во ВЗПИ: АО «Росвузнаука», 1992. 329 с.

²⁷ Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи: 1901-1914 гг.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Воронеж, 2006. 48 с.

²⁸ Лобачева Г. Л. Монархическая идея в массовом сознании россиян (1881 – 1917 годы): дис. ... докт. ист. наук. Саратов, 1999. С. 8.

²⁹ Карабут А. К. Монархические настроения населения России на рубеже XIX – XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2011. С. 30-31.

Большое значение для понимания факторов распространенности и устойчивости монархической доминанты в общественно-политическом сознании и поведении российского крестьянства имеют исследования А. В. Буганова³⁰, в которых образ монарха рассматривался не только как основа крестьянского мировоззрения, но и как наиболее весомый элемент исторической памяти крестьянства, оказывающий весомое воздействие на формирование его национально-культурной идентичности на рубеже XIX–XX веков. Идеализированный образ самодержца в качестве неотъемлемого функционального элемента иерархически организованного социального мироустройства в массовом сознании крестьян анализируется в работах пензенского исследователя О. А. Суховой³¹.

Факторы укорененности монархических настроений в среде российского крестьянства стали предметом особого интереса в зарубежной историографии социально-политической истории России на рубеже XIX–XX веков. Устойчивые монархические иллюзии значительной части населения страны расценивались в контексте присутствия в массовом сознании народа мифа о «царе-избавителе», «царе-батюшке». Такой контекст в исследованиях монархизма в ментальности русского народа представлен в работах Р. Пайпса³² и Д. Филда³³.

Органическая принадлежность монархическому мифу в сознании народных масс некоторой доли практицизма, прагматизма акцентируется и другими зарубежными специалистами. Прочная уверенность крестьян в том, что верховная власть обязана воплотить их представления о справедливости в существующую действительность проявлялась, с одной стороны, в так называемом «наивном монархизме» и преданности самодержцу, а с другой – в неповиновении властям и социальном протесте. В этом направлении проводились исследования Дж. Блумом³⁴, П. Авричем³⁵, Д. Муном³⁶, Р. Редфилдом³⁷, Э. Хобсбаумом³⁸.

³⁰ Буганов А. В. Русская история в памяти крестьян XIX в. и национальное самосознание. М.: Ин-т этнологии и антропологии, 1992. 207 с.; Он же. Отношение к русским царям в народном сознании XIX – начала XX веков // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики. М.: Московская высш. шк. соц. и экон. наук, 2002. С. 253-260.; Он же. Личности и события истории в массовом сознании русских крестьян XIX – начала XX вв. М.: Принципиум, 2013. 295 с.

³¹ Сухова О. А. Социальные представления и поведение российского крестьянства в начале XX века. 1902-1922 гг.: по материалам Среднего Поволжья: дис. ... докт. ист. наук. Самара, 2007. С. 341-382; Она же. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М.: Российская политическая энциклопедия (РОС-СПЭН), 2008. С. 183-203.

³² Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики. Исследование политической культуры. М.: Новое издательство, 2008. С. 227-228.

³³ Field D. Rebels in the Name of the Tsar. Boston: Unwin Hyman, 1989. 220 p.; Филд Д. Социальные представления в дореволюционной России // Реформы или революция? Россия 1861-1917: Материалы междунар. коллоквиума историков. СПб.: Наука, 1992. С. 67-79.

³⁴ Blum J. Lord and peasant in Russia, from the ninth to the nineteenth century. Princeton, N. J.: Princeton univ. press., 1963. 656 p.

³⁵ Avrich P. Russian rebels, 1600-1800. New York: Schocken books, Cop. 1972. 309 p.

³⁶ Moon D. The Russian peasantry 1600-1930: The world the peasants made. L.: Longman, 1999. XII. 396 p.

³⁷ Redfield R. Peasant society and culture: An anthropological approach to civilization. Chicago (il): Univ. of Chicago press, 1956. 162 p.

³⁸ Hobsbawm E. Primitive Rebels. Studies in Archaic Forms of Social Movement in the 19th and 20th Centuries. London: Manchester Univ. Press, 1959. 208 p.; Hobsbawm E. Peasants and Politics // Journal of Peasant Studies, 1. Octo-

Актуальными вопросами для зарубежных историков, непосредственно или косвенно затрагивавших проблемы устойчивости монархического сегмента общественного сознания в дореволюционной России, являлось нахождение исходной точки, определившей необратимость его эрозии и разложения. Такой аспект был поднят в работах М. Раева³⁹ и Р. Пайпса⁴⁰. Т. Шанин обращал внимание на растянутость соответствующего процесса, указывал на устойчивость промонархических чувств крестьянства даже в революционных событиях 1905-1907 гг., но одновременно в качестве индикатора начала трансформации его политических настроений рассматривал обсуждение крестьянскими представителями самой возможности альтернативных самодержавному идеалу вариантов развития социума и государства, решения стоявших в социально-политической повестке вопросов⁴¹. Также как на индикатор довольно серьезной девальвации монархической идеи в крестьянской среде уже в 1905 г., исходя из анализа содержания петиций и приговоров крестьянских обществ, обращал внимание немецкий исследователь Д. Байрау⁴².

Необходимо также упомянуть о целом пласте работ, в которых объектом исследовательского внимания являлись вопросы содержания и эффективности административно-политических, социальных технологий и практик, применявшихся государственным аппаратом Российской империи для актуализации монархических настроений и повышения престижа самодержавия в общественно-политическом сознании населения в начале XX века. В данном ряду хотелось бы отметить публикации К. Н. Цимбаева⁴³, В. Ю. Карнишина⁴⁴, В. А. Алленовой⁴⁵, А. П. Рыжовой⁴⁶.

Политико-идеологическое содержание и смысл юбилейных торжеств начала XX века, их влияние на формирование образов верховной власти в глазах

ber, 1973. P. 3-22; Hobsbawm E. Peasants in History: Essays in Honour of Daniel Thorner. Oxford University Press, 1981. 334 p.

³⁹ Раев М. Понять дореволюционную Россию: государство и общество в Российской империи. Лондон: Overseas publ. interchange, 1990. С. 231-232.

⁴⁰ Пайпс Р. Русская революция: В 3 кн. Кн. 1. Агония старого режима. 1905-1917. М.: Захаров, 2005. С. 15.

⁴¹ Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905-1907 гг. 1917-1922 гг. М.: Весь Мир, 1997. С. 200-226.

⁴² Байрау Д. Янус в лаптях: крестьяне в русской революции, 1905-1917 гг. // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 19-32.

⁴³ Цимбаев К. Н. Православная церковь и государственные юбилеи императорской России // Отечественная история. 2005. № 6. С. 42-51.; Он же. Феномен юбилея в российской общественной жизни конца XIX – начала XX века // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 98-108.

⁴⁴ Карнишин В. Ю. 300-летие дома Романовых: за фасадом официального празднования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. № 1 (25). С. 5-10.

⁴⁵ Алленова В. А. Романовские торжества 1913 года в Воронежской губернии // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2014. № 3. С. 5-13; Она же. Празднование 300-летия Дома Романовых в Воронеже // Седьмые Всероссийские краеведческие чтения (Москва – Омск, 13-17 мая 2013 г.). М.: Издательский центр «Краеведение», 2013. С. 256-265.

⁴⁶ Рыжова А. П. Юбилейные торжества в честь 300-летия династии Романовых в области Войска Донского // Новое прошлое / The new past. 2022. № 2. С. 150-166; Она же. «Повсюду чувствовался редкий подъем патриотического чувства»: Романовские торжества в Бакинской и Елизаветпольской губерниях в 1913 году // Тетради по консерватизму. 2022. № 2. С. 174-184; Она же. «В общем стремлении к славянскому идеалу»: празднование 300-летия дома Романовых в царстве Польском // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2021. № 2. С. 18-33; Она же. Народы «не могут не искать счастья у престола Великого Царя Русского»: романовские торжества в Эриванской и Тифлисской губерниях в 1913 г. // Журнал исторических исследований. 2019. № 3. С. 60-66.

подданных и властной элиты затрагивались в работе американского исследователя Р. Уортмана, довольно убедительно определившего влияние масштабности, торжественности, повсеместной показательной демонстрации промонархических настроений на формирование внутривластного курса российского самодержавия в предвоенный период⁴⁷.

Отдельно следует отметить близкие по тематике к нашему диссертационному исследованию труды тамбовских историков. В первую очередь необходимо обратить внимание на работы, посвященные деятельности тамбовских губернаторов, которые явно проводили правоконсервативную политику⁴⁸. С. А. Ильин, исследовавший становление консервативных национальных организаций в Тамбовской губернии, считал, что в условиях национальной и профессиональной однородности появившиеся монархические организации были реакцией на революционное движение 1905 г.⁴⁹. Н. А. Шарова пришла к выводу, что причиной кризиса правомонархического движения в Тамбовском крае после Первой российской революции явилась диспропорция между его активом и рядовыми членами⁵⁰. Особая роль православной церкви как института приходских священнослужителей в качестве одного из основных коммуникационных каналов взаимодействия с большей частью подданных Российской империи и, как следствие, инструмента промонархической индоктринации верующих затрагивалась в работах Е. Н. Шабельниковой⁵¹. Проблема распространенности и устойчивости монархических настроений среди жителей городов Тамбовской губернии в период революционных событий 1905-1907 гг. поднималась в диссертационном исследовании А. Н. Плужникова⁵².

Цель и задачи исследования. С учетом степени изученности темы в качестве цели осуществляемого диссертационного исследования нами было избрано формирование целостного, основанного на репрезентативной источниковой базе представления об укорененности консервативно-самодержавного элемента в структуре общественных настроений населения Тамбовской губернии в 1900-1914 гг., его динамике на протяжении обозначенных хронологических рамок исследования.

⁴⁷ Уортман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2-х т. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. М.: ОГИ, 2004. С. 710-711.

⁴⁸ Канищев В. В. Деятельность тамбовского губернатора Н. П. Муратова в контексте борьбы консервативной и либеральной региональных политических элит. 1906-1912 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2005. С. 137-139; Туманова А. С. Консерватор во власти: губернатор Н. П. Муратов // Отечественная история. 2003. № 3. С. 109-110; Ловцов В. А. Социально-профессиональный облик губернаторского корпуса периода министерства П. А. Столыпина (1906-1911 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2022. С. 205-234.

⁴⁹ Ильин С. А. Становление русских национальных организаций в Тамбовской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2002. 178 с.

⁵⁰ Шарова Н. В. Деятельность русских национальных объединений в 1907-1914 гг. (на материалах Тамбовской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2004. 224 с.

⁵¹ Шабельникова Е. Н. Участие тамбовского духовенства в идеологических мероприятиях государственного масштаба в начале XX в. // Социальная история российской провинции. Материалы межрегиональной научной конференции (май 2004 г.). Тамбов: Юлис, 2004; Она же. Реализация на местах государственной политики в отношении церкви и верующих во второй половине XIX – начале XX вв.: на материалах Тамбовской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2006. 229 с.

⁵² Плужников А. Н. Города Тамбовской губернии во время Первой российской революции 1905-1907 гг. (социально-политический аспект): дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2004. 299 с.

Избранная цель вполне закономерно предопределила необходимость решения в рамках настоящей диссертационной работы следующих **задач**:

- выявить степень распространенности и устойчивости консервативно-монархических настроений среди представителей различных социальных страт населения Тамбовской губернии в начале XX века;

- определить влияние русско-японской войны на динамику политического сознания жителей Тамбовской губернии, эрозию его самодержавно-монархического элемента;

- проследить проявления политически значимых реакций населения губернии на события революции 1905-1907 гг., свидетельствующие о динамике монархических общественно-политических настроений в губернии в рассматриваемый период;

- выявить влияние деятельности организаций правоконсервативного толка на формирование и поддержание политической лояльности по отношению к самодержавной власти в период существования режима думской монархии, в том числе, в рамках избирательных кампаний по выборам депутатов Государственной Думы;

- изучить характер, содержание и результативность административных практик губернского чиновно-бюрократического аппарата, направленных на актуализацию и распространение консервативно-монархического тренда в общественно-политическом сознании различных социальных групп населения Тамбовской губернии в исследуемый период.

Научная новизна. Научная новизна настоящего диссертационного исследования заключается в осмыслении воздействия на динамику монархических настроений в структуре массового сознания населения Тамбовской губернии такого фактора, как применение административно-политических технологий соответствующей направленности со стороны центрального и местного административного аппарата и в оценке их результативности. Кроме того, мы усматриваем ее в апробации применительно к ретроспективному анализу состояния и динамики общественно-политического сознания такого методологического инструментария, как количественные методы и информационные технологии в виде формирования баз данных. Несмотря на наличие исследований, так или иначе затрагивающих избранную нами проблематику, комплексное изучение монархического сегмента в массовом сознании населения Тамбовской губернии до настоящего времени не предпринималось. Многие из материалов, имеющихся в фондах Государственного архива Тамбовской области и использованных при написании данной работы, впервые вводятся в научный оборот.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретическая значимость диссертационной работы находит свое выражение в расширении и углублении сложившихся в отечественной исторической науке представлений о движущих факторах динамики массового сознания в аграрной провинции Российской империи в начале XX века, соотношении политически стратифицированных сегментов в структуре общественных настроений ее населения.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования ее основных положений в дидактических целях при преподавании учебных курсов по отечественной истории, политологии в учебных заведениях профессионального образования, подготовке учебников и учебных пособий. Отдельные ее положения могут быть интересны специалистам в области социальных и политических коммуникаций, занимающихся информационным сопровождением деятельности органов публичной власти.

Источниковая база исследования. Источниковой основой диссертации послужили архивные документы (Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Государственного архива Тамбовской области (ГАТО)), опубликованные законодательные акты⁵³, статистические данные⁵⁴, ежегодные отчеты политических обществ⁵⁵, центральные и губернские периодические издания, нарративные источники.

Первоочередными и наиболее информативными являлись документы из фондов российского и регионального архивов. В ГАРФ исследовались документы Министерства внутренних дел – фонда 102 «Департамент полиции Министерства внутренних дел»: отчеты губернаторов и начальников жандармских управлений.

В ГАТО анализировались дела фонда 4 «Канцелярия Тамбовского наместника, подчин. Сенату, с 17 декабря 1796 г. Канцелярия Тамбовского губернатора, подчин. Сенату, с 8 сентября 1802 г. подчин. Министерству внутренних дел»: циркуляры Министерства внутренних дел; отчеты губернаторов о состоянии губернии; рапорты полицмейстеров и уездных исправников о политическом положении в уездах и настроениях населения; верноподданнические адреса от государственных органов, городских дум, земских управ, сельских, городских и коммерческих обществ, физических лиц; архивные материалы об организации праздников Георгиевских кавалеров, раскрывающие подробности устраиваемых торжеств (отчеты и доклады полицмейстеров, городских голов, уездных исправников); документы о подготовке и проведении торжеств в связи с празднованием 300-летия Дома Романовых; дела об организациях монархического толка.

В фонде 272 «Тамбовское губернское жандармское управление» изучались следующие материалы: циркуляры, приказы Отдельного корпуса жандармов, Департамента полиции, МВД; политические обзоры губернии; рапорты и донесения о происшествиях; агентурные сведения о настроениях населения, де-

⁵³ Высочайший его императорского величества Манифест по случаю трехсотлетия царствования дома Романовых. Утв. 21 февраля 1913 г. С прил. СПб.: Сенатская типография, 1913. 22 с.

⁵⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XLII. Тамбовская губерния. СПб.: акц. общ. пет. и писчебум дела «Слово», 1904. 156 с.; Сборник-календарь Тамбовской губернии за 1903 г. Гл. III. Статистический обзор Тамбовской губернии. Тамбов: Типо-лит. Губ. правл., 1903. 105 с.; Обзор Тамбовской губернии за 1904 год. Тамбов: Тип. Губ. правл., 1906. 101 с.

⁵⁵ Краткий очерк деятельности тамбовского союза русских людей с 1 ноября 1905 г. по 1 октября 1906 г. Харьков, 1906. 19 с.; Краткий очерк деятельности Тамбовского союза русских людей с 1 октября 1908 г. по 1 октября 1909 г. (Четвертый год). Харьков: типография журнала «Мирный Труд», 1909. 13 с.; Краткий очерк деятельности Тамбовского союза русских людей с 1 октября 1909 г. по 1 октября 1910 г. Харьков: типография журнала «Мирный Труд», 1910. 14 с.; Труды первого губернского съезда представителей патриотических союзов Тамбовской губернии. 28-30 декабря 1908 года. Тамбов: электро-типография губернского правления, 1909. 123 с.

ла об оскорблениях императора и членов августейшего семейства.

Рассматривались документы фонда 17 «Тамбовская городская управа», в частности, протоколы заседания, постановления, отчеты; фонда 24 «Тамбовское губернское по земским и городским делам присутствие». В фонде 25 «Тамбовское губернское по делам об обществах присутствие Министерства внутренних дел г. Тамбов» изучались сведения, касающиеся политических партий конкретно монархического направления, – Союза Русских Людей и Союза Русского Народа.

В работе использовались материалы периодических изданий рассматриваемого периода – центральные печатные материалы: «Церковные ведомости» (1904 г.), «Русский вестник» (1904 г.), «Русский инвалид» (1908 г.), общественно-политическое межрегиональное издание «Черноземный край» (1906 г.); губернские официальные печатные издания – «Тамбовские губернские ведомости» (1904-1905 гг.) и «Тамбовские епархиальные ведомости» (1904-1905 гг.), правое издание «Тамбовский край» (1907, 1908, 1913 гг.), либеральная «Козловская газета» (1902, 1905, 1907 гг.) и беспартийный «Тамбовский голос» (1906 г.), в которых анализировалась информация как частного характера, так и свидетельствующая о настроениях населения губернии.

Отдельным видом источников для исследования выступили воспоминания Кирсановского уездного предводителя дворянства, члена Государственного Совета В. М. Андреевского⁵⁶, мемуары тамбовского губернатора Н. П. Муратова (1906-1912 гг.)⁵⁷, биографические записки сына члена IV Государственной Думы от Тамбовской губернии В. М. Вакара – С. В. Вакара⁵⁸. Они являются ценными свидетельствами по исследуемой эпохе, однако даже в данном контексте мы учитывали то обстоятельство, что это источники личного происхождения, имеющие специфические характеристики: пристрастность и тенденциозность.

Методология и методы исследования. Методологически диссертационное исследование базируется на общепринятых исторических принципах и междисциплинарных подходах. Принцип историзма предполагает рассмотрение явлений в их хронологическом развитии и контексте изучаемого периода, что позволяет выявить причины и последствия событий, а также их взаимосвязи. Объективность гарантирует стремление к беспристрастному анализу, базирующемуся на фактах и достоверных источниках. Основываясь на этих методах, мы стремились преодолеть устоявшиеся клише, выражавшиеся как в отрицательной оценке самодержавной власти либеральным и левым блоками, советской историографией, так и в хвалебной, фиксируемой в официальной отчетной документации.

В работе используются также и специальные методы исторического познания. Генетический метод направлен на изучение происхождения и процесса

⁵⁶ Андреевский В. М. Автобиографические воспоминания / Град Кирсанов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.grad-kirsanov.ru/source.php?id=doc.andreevsky.vosp> (дата обращения: 03.03.2025)

⁵⁷ Муратов Н. П. Записки тамбовского губернатора. Тамбов: ОАО «Тамбовская типография «Пролетарский светоч», 2007. 456 с.

⁵⁸ Вакар С. Наша генерация, рожденная в конце прошлого столетия. М.: б. и., 2000. 196 с.

развития исторических явлений, что помогает понять их эволюцию и трансформации во времени. Типологический метод позволяет классифицировать и систематизировать исторические объекты и процессы по определенным признакам с выявлением типичных моделей и закономерностей. Факторный метод направлен на установление и анализ факторов, влияющих на развитие исторических событий, что способствует пониманию причинно-следственных связей. Совместное применение этих методов обеспечивает комплексный и глубокий анализ исторического материала, позволяя раскрыть его многогранность и динамику развития.

Для систематизации и обработки архивных данных были сформированы три электронные базы данных (БД): БД «Верноподданнические адреса. 1898-1914 гг.», БД «Адресанты верноподданнических адресов. 1902-1914 гг.» и БД «Оскорбления Его Императорского Величества и членов императорского Дома (по данным Тамбовского губернского жандармского управления за 1900-1914 гг.)». При анализе БД использовались междисциплинарные методы – метод контент-анализа и количественный метод. Применение данной методологии позволило выявить определенные закономерности, отраженные в работе в качественно-количественном отношении и в диаграммах.

Положения, выносимые на защиту. На защиту выносятся следующие основные положения диссертационного исследования:

1. Консервативно-монархический сегмент к началу XX века преобладал в общественно-политическом сознании населения Тамбовской губернии, что предопределялось такими обстоятельствами, как доминирование крестьянства в социальной структуре населения с присущими ему ментальными особенностями восприятия верховной власти, слабость городов как промышленных центров, широкий миграционный приток выходцев из крестьянской среды в губернский и уездные центры.

2. Наиболее серьезное деформирующее воздействие устойчивости монархических настроений среди населения Тамбовской губернии было связано с поражением в русско-японской войне 1904-1905 гг., обернувшимся кризисом традиционной легитимности института самодержавного правления.

3. Несмотря на широкое участие крестьянства Тамбовской губернии в так называемых «аграрных беспорядках», в революционных событиях 1905-1907 гг., оно, по преимуществу, сохраняло лояльность верховной власти и демонстрировало веру в идеологему об общенародной сущности российского самодержавия. Индикатором устойчивости и распространенности монархических настроений среди значительной части консервативно настроенных обывателей городов Тамбовской губернии стало активное противодействие революционной пропаганде и протестным акциям учащейся молодежи.

4. Отсутствие традиций взаимодействия между административным аппаратом и общественными институтами явилось одной из наиболее существенных причин достаточно низкой эффективности деятельности черносотенных политических организаций в Тамбовской губернии по поддержанию и распространению монархических настроений. Правомонархические организации не

смогли консолидировать и расширить социальную базу монархического режима в регионе.

5. Набор административно-политических технологий и практик, применяемых губернскими властями для укрепления и расширения консервативно-монархических настроений в массовом сознании, не отличался разнообразием и сводился, по преимуществу, к инициированию подачи верноподданнических адресов на имя монарха. Широкое применение при этом методов административной мобилизации, чрезмерные бюрократизация и формализм, желание в лучшем свете представить социально-политическую ситуацию в губернии заметным образом снижали эффективность такого рода усилий, девальвируя их значение в глазах адресантов соответствующих посланий на имя императора.

6. Наибольший эффект в части актуализации и распространения монархических настроений в массовом сознании населения Тамбовской губернии имели чествования Георгиевских кавалеров, поскольку представляли собой технологию, ориентированную на заранее определенную целевую группу, учитывающую ее социально-психологические особенности, предполагающую широкое вовлечение общественности в организацию соответствующих мероприятий, достаточную степень автономии исполнителей в выборе средств и инструментов достижения поставленной цели.

7. Юбилейная кампания по празднованию 300-летия восшествия на российский престол династии Романовых в Тамбовской губернии способствовала лишь довольно неустойчивому оживлению общественных настроений промонархической направленности, одновременно обнажив целый ряд серьезных проблем в усилиях управленческого аппарата по поддержанию лояльности института монархии. Он стремился, скорее, к обеспечению порядка, предупреждению ситуаций, способных дестабилизировать атмосферу празднования, чем к укоренению консервативно-монархических настроений. Серьезным образом деформировало достижение цели укрепления легитимности монархии усиление политического контроля и полицейско-жандармского надзора.

Проблематика и выводы диссертации соответствуют паспорту специальности 5.6.1. Отечественная история, следующим направлениям исследований: п. 2. Предпосылки формирования, основные этапы и особенности развития российской государственности; п. 4. История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов; п. 7. История развития различных социальных групп России, их общественно-политической и социально-культурной жизни, а также хозяйственной деятельности; п. 9. История общественной мысли. Интеллектуальная история. Историческая имагология. История образования и образовательных институтов; п. 14. История политических партий и общественных движений России; п. 16. История российских революций; п. 19. История развития российского города и деревни; п. 24. История государственной и общественной идеологии, общественных настроений и общественного мнения.

Апробация результатов исследования. Материалы диссертации были представлены на одной международной научно-практической конференции

(Устойчивое развитие: традиции местного самоуправления и современность (к 240-летию учреждения органов сословного дворянского самоуправления, к 160-летию начала деятельности земских учреждений в центральных губерниях России, к 155-летию подписания Городового положения, к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне) (Тамбов, 2025 г.). По итогам проведенного исследования было опубликовано 5 статей, из которых 4 – в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, 2 глав из 6 параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы исследования, определены объект, предмет, цели и задачи работы, охарактеризованы используемые методы, указана методологическая основа диссертации, изложена новизна, теоретическая и практическая значимость проведенного исследования, сформулированы положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Консервативно-монархические настроения в общественном сознании населения Тамбовской губернии на рубеже XIX–XX веков: динамика и ее факторы»** анализируется состояние консервативно-монархического сегмента общественного сознания провинциального социума, воздействие на его динамику и объективацию в практиках политически значимого поведения таких значимых событий, как русско-японская война и революция 1905-1907 гг.

В параграфе 1.1 **«Верховная власть и политическое сознание населения российской провинции в начале XX века (на примере Тамбовской губернии)»** отмечается, что начало XX века российский социум и государство встречали, будучи вовлеченными в разной мере в протекание модернизационных процессов. Если степень их интенсивности в социальной и экономической сферах была более высокой, то государственно-правовые институты во многом пребывали еще в архаическом состоянии. Инерционность политической формы государственного строя Российской империи – самодержавия – в значительной мере предопределялась не только нежеланием правящей династии и верхов бюрократического аппарата разделить свои властные prerogatives с обществом, перейдя к представительному правлению, но и факторами социально-психологического свойства. Самодержавные порядки зиждились на заложенных в ментальности значительной части населения империи особенностях восприятия верховной власти. Для него были характерны имеющие религиозный подтекст сакрализация носителя верховной властной prerogative и персонализация в его лице всего механизма государства. Отсюда же проистекал и такой ценностный элемент политической культуры, как глубокий патернализм тех

социальных слоев, которые выступали носителями традиционной ментальности аграрного социума.

Тамбовская губерния к началу XX века являлась типичной аграрной провинцией империи с доминированием крестьянства в социальной структуре населения, слабой развитостью городов как центров развития промышленности, объектов городской инфраструктуры. Восприятие институтов государственной власти городскими жителями испытывало на себе глубокое воздействие факта широкого миграционного притока в затрагиваемый нами период выходцев из крестьянской среды. Значительная часть городских обывателей выступала носителями традиционной патриархальной ментальности аграрного социума. В силу этого политическое сознание основной массы населения Тамбовской губернии на рубеже XIX–XX веков характеризовалось идеализацией института монархии, его социальной роли и предназначения, лояльностью по отношению к воплощаемому личностью самодержца политическому строю. Распространенность консервативно-монархических настроений среди жителей региона не поколебали спорадические вспышки крестьянских выступлений, которые, как показывают документы, в самом начале 1900-х гг. порождались факторами частного, локального свойства, не имели политического содержания и не были направлены против верховной власти. Это подтверждается и данными жандармской статистики, фиксировавшей в этот период лишь единичные случаи оскорблений в адрес императора и правящей династии, к тому же совершенных, по преимуществу, под воздействием алкогольного опьянения.

В параграфе 1.2 **«Влияние русско-японской войны на устойчивость консервативно-монархического сегмента общественного сознания населения Тамбовской губернии»** главным тезисом является следующее положение: на состояние и динамику монархических настроений в общественно-политическом сознании населения Тамбовской губернии мощное деформирующее воздействие оказывали ход и результаты русско-японской войны 1904–1905 гг. Ее начало сопровождалось бурным всплеском патриотических настроений, приобретавших, по большей части, форму выражения верноподданнических чувств. Это во многом было обусловлено инерцией политических традиций и культурой российского общества: сама российская государственность или различные направления как внутренней, так и внешней политики, как правило, населением олицетворялись личностью правителя, будь то великий князь, царь или император. Столь сильное влияние традиции персонифицированного этатизма на формирование и развитие общественного сознания, по нашему глубокому убеждению, в полной мере объясняет феномен неразрывной связи, внутреннего единства между проявлением патриотических чувств, побуждений и активной демонстрацией лояльности по отношению к лицу, воплощавшему собой государственную власть. Поэтому для значительной части населения провинциального социума, типичным примером которого и являлось население Тамбовской губернии, не существовало никакого противоречия в том, что выражение верноподданнических чувств по отношению к монарху расценивалось и выступало в качестве наиболее зримого и очевидного прояв-

ления патриотической позиции, а солидаризация с внешнеполитическим курсом государства неизбежно предполагала и приверженность существующему самодержавно-монархическому политическому строю. В наибольшей мере подобного рода нерасчлененность представлений об институтах государства и монархической власти была характерна для политического сознания составлявшего абсолютное большинство населения Тамбовской губернии крестьянства.

Взрывной характер патриотических и одновременно промонархических настроений в начале русско-японской войны среди прочего стал результатом воздействия на общественное сознание официальной пропаганды, средства которой формировали уверенность в скорой, неизбежной победе, уничижительное отношение к врагу, который одновременно и демонизировался, и выставлялся в карикатурном виде. Проявления верноподданнических настроений были более интенсивными в городах губернии и захватывали самые широкие слои их населения. Они выражались и в направлении на имя императора адресов с заверениями в поддержке его внешнеполитического курса, и в деятельном сборе помощи на нужды действующей армии и флота. Причем данный сбор осуществлялся, в первую очередь, органами местного самоуправления, которые нередко выделяли необходимые, подчас достаточно крупные ассигнования из средств собственного бюджета. Однако и сами должностные лица не оставались в стороне от такого начинания, поскольку жертвовали личные средства на обеспечение военных нужд. Аналогичным образом поступали и видные представители тамбовской общественности.

Формы выражения и актуализации патриотических и монархических настроений среди крестьянства имели традиционный характер и не предполагали сколько-нибудь активной вовлеченности сельского народонаселения, что показали довольно не впечатляющие результаты так называемых «кружечных сборов» летом–осенью 1904 г. Демонстрация лояльности монарху и патриотического настроения имела в основном ритуализированный характер, что подтверждается ограничением участия в богослужениях о даровании победы над врагом и крестных ходах.

Постепенная эрозия монархических настроений среди населения губернии отмечается с начала 1905 г., когда в информационное пространство начинают проникать известия о первых болезненных поражениях от японцев. Перегретое откровенно шовинистической пропагандой, демонстрирующее завышенные ожидания относительно хода военных действий массовое сознание начинало реагировать вполне предсказуемо для политической системы, ориентированной на персонализацию и сакрализацию государственной власти, – запуском, пусть не стремительного и не обвального, но тем не менее очевидного современникам процесса делегитимизации самодержавного режима. Об этом свидетельствовало фиксируемое органами политического сыска все более возрастающее количество оскорбительных высказываний в отношении императора Николая II и членов правящей династии Романовых. Такого рода высказывания, распространенные в крестьянской среде, оказывались связаны с констата-

цией представителями данной социальной группы неспособности верховной власти добиться победы в войне. Тональность их имела заметно более резкий характер, чем в предшествующий период, обвинительную направленность, отличалась широким применением обценной лексики и уничижительным отношением уже к личности монарха и членов династии. Переход от критики монарха к сомнению в целесообразности самого существования института самодержавного правления свидетельствовал о начале кризиса и деформации консервативно-монархической политической картины мира в умонастроениях крестьянства в Тамбовской губернии. Подобные тенденции под воздействием фактора поражения в войне находили свое проявление и в общественно-политическом сознании представителей иных социальных групп провинциального социума.

Вместе с тем необходимо констатировать, что военно-политическое поражение пошатнуло устойчивость консервативно-монархического сегмента общественно-политического сознания населения Тамбовской губернии, но не явилось для него фатальным ударом, как это показано в параграфе 1.3 **«Монархические настроения в общественном сознании населения Тамбовской губернии в годы Первой русской революции»**. В ходе революционных потрясений 1905-1907 гг. происходит резкое идейно-политическое размежевание между выступающими в качестве носителей революционных настроений представителями так называемых «новых городских слоев» – учащейся молодежью, городской интеллигенцией, железнодорожными рабочими – и продемонстрировавшими свою лояльность самодержавию «старыми горожанами» – мещанами, купечеством, мелкими торговцами и ремесленниками, приказчиками и служащими торговых и оказывающих услуги бытового характера заведений.

На начальном этапе революционных событий промонархические настроения представителей указанных социальных групп довольно эффективно подпитывались внушаемым официальной пропагандой идеологическим клише об органической взаимосвязи между активизацией протестного движения и усилиями внешнего врага по дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в Российской империи в период ведения боевых действий. Следует заметить, что тамбовские губернские и местные власти использовали относительно разнообразные формы пропагандистской деятельности. Достаточно активно в данном направлении привлекалась Русская православная церковь. Она смогла оказать существенную поддержку имперским властям с помощью имеющихся в ее арсенале методов, таких как проповеди, обращения и молебны. Особенно действенными они оказались в момент, когда до населения Тамбовской губернии стали доходить известия о поражениях на фронтах русско-японской войны.

Надо сказать, что осуществляемая тамбовскими властями пропаганда все-таки достигала поставленных перед ней целей. В частности, новым явлением стала проекция политического лоялизма по отношению к самодержавному режиму в различные формы открытого противодействия протестным выступлениям учащейся молодежи и фабрично-заводских рабочих, начиная от сбора и передачи представителям административного и правоохранительного аппарата

революционных прокламаций и листовок и заканчивая открытым разгоном шествий и манифестаций протестующих, в том числе посредством применения силы. О распространенности такого рода практик канализации монархических настроений в определенные модели политически значимого поведения свидетельствует тот факт, что более чем каждое десятое выступление в городах губернии революционно настроенной учащейся молодежи оказалось пресечено обывателями.

Широкое участие крестьян в так называемых аграрных беспорядках 1905 г. традиционно преподносилось как свидетельство их вовлеченности в революционно-освободительное движение. Однако оно оказалось в большей мере порождено проблемой аграрного перенаселения в губерниях Центрального Черноземья и специфического, основанного на бунтарско-погромных традициях видения крестьянами наиболее быстрого и справедливого способа ее разрешения. Более того, период с конца 1905 по 1907 г. стал временем наибольшей интенсивности демонстрации крестьянами Тамбовской губернии своей преданности монархическому режиму в форме подачи верноподданнических адресов и обращений. Чаще всего в качестве повода они имели предоставление крестьянам гражданских и политических прав манифестом от 17 октября 1905 г., снижение, а затем и отмену выкупных платежей, установление льготного порядка приобретения земли с помощью кредитов Крестьянского банка, предоставление императором помощи в приобретении семенного материала в неурожайный период. Объективно все эти меры повышали авторитет монарха в глазах земледельческого населения Тамбовской губернии.

Но нельзя не увидеть и иных факторов всплеска крестьянского лоялизма по отношению к верховной власти в революционный период. Во-первых, таким путем крестьяне нередко стремились избежать применения репрессивных мер со стороны губернских властей, широко практиковавших использование воинских частей и расправы за участие в разгроме помещичьих имений. Во-вторых, механизм актуализации верноподданнических настроений среди крестьянства, совпадение всплесков их интенсивности с периодами обострения социально-политической обстановки свидетельствовал об использовании данного инструмента формирования монархических настроений главным образом с целью демонстрации верхам бюрократического аппарата империи стабильности внутриполитической обстановки в губернии и эффективности губернских властей.

Во второй главе **«Монархическая идея и ее объективация в практиках регионального политического процесса в начале XX века»** прослеживаются, во-первых, особенности той институциональной политической среды, в рамках которой формировались монархически-консервативные общественные настроения, во-вторых, содержание и эффективность административно-политических практик, которые были призваны актуализировать лоялизм по отношению к самодержавию.

В частности, в параграфе 2.1 **«Правомонархические политические объединения в социально-политическом рельефе Тамбовской губернии в 1905-1914 гг.»** фиксируется, что заметным фактором формирования, распростране-

ния и поддержания монархических настроений среди населения Тамбовской губернии стали целенаправленные усилия в этом направлении местного административного аппарата. При этом после издания манифеста от 17 октября 1905 г. в губернии начинают формироваться институциональные условия в виде образования и деятельности политических организаций правомонархической направленности для интенсификации и повышения эффективности действий губернских властей в части политической социализации и индоктринации населения в верноподданническом духе. Следует заметить, что сам процесс политической институционализации в регионе имел беспрецедентный характер. Внутренние и внешние факторы начали подвергать трансформациям привычное провинциально-обывательское спокойное течение жизни с его внешним законопослушанием и добропорядочностью. Зарождавшаяся легальная многопартийность явилась новым явлением не только для власти, но и для городских и сельских жителей.

Если революционные события «пробудили» тамбовского обывателя, то процесс партобразования придал некую организованную форму гражданской активности тамбовчан. Следует считать, что процесс создания политических партий канализировал стихийность выступлений наиболее активных жителей губернии в организованное, цивилизованное русло. Для них появились своеобразные платформы, где можно было открыто демонстрировать свои политические симпатии и будущие чаяния, связанные с реструктуризацией государственного аппарата. Выборы же в Государственную Думу лишь усиливали накал страстей по выражению своего политического кредо.

Несмотря на существенный масштаб вовлеченности в деятельность Тамбовского Союза Русских Людей и тамбовского отделения Союза Русского Народа консервативно настроенных слоев населения, в том числе и крестьянства, черносотенные организации так и не смогли в постреволюционный период консолидировать социальную базу монархического режима на территории Тамбовской губернии. Также не удалось интегрировать свои усилия по ее расширению в действия губернских властей, использовать в полной мере легальные методы политической пропаганды и агитации в целях роста и укрепления консервативно-монархического сегмента общественно-политических настроений в регионе.

Важнейшими причинами этого стали, во-первых, высокая степень взаимной отчужденности между организациями правомонархического толка и губернским исполнительным аппаратом, коренящейся в неизжитом недоверии со стороны административных структур ко всякого рода не в полной мере подконтрольным им общественным институциям; во-вторых, неспособность черносотенных объединений сформировать на программном уровне социальную повестку, отвечающую коренным интересам тех групп населения, которые выступали носителями консервативно-монархических установок. Последнее обстоятельство, в свою очередь, объясняло неэффективность пропагандистско-агитационной работы правомонархических организаций в ходе избирательных кампаний по выборам депутатов Государственной Думы первых созывов.

В параграфе 2.2 «**Политика губернской власти по формированию и поддержанию монархических настроений: содержание административных практик и проблема их эффективности**» констатируется, что основным субъектом, последовательно оказывающим воздействие на формирование социального пространства политической лояльности в отношении монархического режима, являлся губернский административный и правоохранительный аппарат. И важнейшая его роль в реализации административно-политических практик, призванных актуализировать и распространять сферу консервативно-монархических установок в массовом сознании населения Тамбовской губернии, в полной мере сказывалась и на механизмах их осуществления, и на их результативности и эффективности.

Одной из наиболее распространенных технологий поддержания и укрепления монархических настроений на всем протяжении исследуемого периода являлась подача верноподданнических адресов на высочайшее имя. В зависимости от количества адресантов выделяются два типа таких обращений к существующей власти – одиночные и коллективные. Однако широкое применение находили разработка и направление адресов коллективного характера на имя монарха по каким-либо значимым поводам – от крестьянских обществ, органов городского и земского самоуправления, различных предприятий и учреждений и т. д. При этом устанавливается своего рода корреляция между интенсивностью публичной демонстрации приверженности жителей губернии монархическим настроениям и какими-либо значимыми внутри- или внешнеполитическими событиями.

Полагалось, что именно верноподданнические адреса в качестве инструмента монархической консолидации будут обеспечивать необходимый публичный эффект. Однако достижение последнего нивелировалось широким применением методов административной мобилизации при демонстрации верноподданнических чувств, особенно в ситуациях, когда адресантами посланий на имя монарха выступали крестьяне, чрезмерной формализацией и бюрократизацией процедуры их представления и каналов обратной связи адресата и адресантов. Таким образом, можно заключить, что видимая верноподданническая преданность либо организовывалась самой властью, либо исходила от лиц, которые, по крайней мере, официально и так выражали свою приверженность самодержавию. Монархический экстаз приходился на три года Первой российской революции и являлся попыткой губернской администрации показать видимость спокойствия и верности населения царю. Будучи организованной бюрократическим аппаратом, данная практика несла на себе все издержки этого: преобладание формы над содержанием; игнорирование целого ряда значимых обстоятельств, сказывающихся на эффективности такого рода мероприятий; отсутствие широкого и, самое главное, устойчивого резонанса в результате их проведения. Формальный аспект такого рода практик совершенно вытеснял содержание политической коммуникации между монархом и его подданными.

Такого же рода издержки были характерны и для административно-политических практик, связанных с организацией и проведением юбилеев ка-

ких-либо значимых исторических событий, интенсивно применявшихся в последнее десятилетие существования монархического строя в России. Ключевым моментом здесь была адекватная расстановка акцентов, подбор политических средств и инструментов, которые должны были донести до общества смыслы и послания, транслируемые верховной властью. При этом на данной исторической развилке у российской монархии был шанс достигнуть своих внутривнутриполитических целей путем формирования привлекательного образа будущего. Однако, в конечном счете, был избран другой путь. Самодержавие предпочло искать опору своей легитимации в изменившихся социально-политических реалиях не в будущем, а в ретроспективе. Ее укрепление стали искать в событиях прошлого. Именно победы, достижения, подвиги прошедших эпох, актуализированные в массовом общественно-политическом сознании, должны были компенсировать дефицит таковых в настоящем.

Параграф 2.3 «**Празднование трехсотлетия династии Романовых как инструмент актуализации монархических настроений в Тамбовской губернии**» посвящен реализации юбилейных кампаний, апофеозом которых стало празднование в 1913 г. трехсотлетней годовщины воцарения династии Романовых. Этот юбилей был призван укрепить легитимность института монархии посредством актуализации в исторической памяти народа тех или иных событий в требуемом властям идеологическом обрамлении и трактовке. Романовские торжества отличались четко выраженным стремлением их организаторов максимально стерилизовать атмосферу проведения празднования, нежели добиться укоренения транслируемых властью промонархических нарративов в массовом сознании. Это выражалось и в мелочном контроле над составом губернской делегации, отправляющейся на главные торжества в Санкт-Петербург, над церемониалом праздника и недопущении какой-либо местной самодеятельности в этом вопросе, и в усилении внимания со стороны местных полицейских и жандармских управлений к общественному порядку, настроениям и активности тех социальных групп, которые считались не вполне лояльными в отношении монархической власти.

Проведение юбилейных торжеств, без сомнения, во многом способствовало оживлению монархических настроений среди основных социальных групп населения Тамбовской губернии, однако полученный эффект не оказался ни долгим, ни устойчивым. Акцент в юбилейной кампании был сделан на применение привычных ритуально-религиозных или сугубо внешних, обрядовых форм актуализации монархических чувств, действовавших в большей мере на эмоции и чувства, ситуативное восприятие, чем на разум. Продвигаемые властью нарративы в попытке легитимизировать настоящее все время отправляли к прошлому, ретроспективе, в то время как образ привлекательного будущего в официальной риторике и механизме проведения торжеств так и не был предъявлен обществу. А это влекло за собой неустойчивость и, как показали последующие события, непродолжительность всплеска монархических настроений в аграрной провинции, примером которой и являлась Тамбовская губерния.

Напротив, большую жизнеспособность, результативность и эффективность показали те технологии воздействия на массовое общественно-политическое сознание в духе укрепления его консервативно-монархического сегмента, которые были менее формализованы, предполагали четкое определение целевой аудитории, широкое привлечение общественности к их реализации, предоставляли исполнителям возможность усмотрения при выборе средств и инструментов коммуникации, то есть были лишены недостатков чрезмерной бюрократизации. Здесь хотелось бы выделить введенный по инициативе тамбовского губернатора Н. П. Муратова обычай чествования Георгиевских кавалеров. Основанием проведения торжеств послужили обращения ветеранов русско-японской войны, крестьян Тамбовского уезда к губернатору осенью 1908 г. с просьбой об оказании помощи для проезда в Санкт-Петербург на праздник Георгиевских кавалеров 26 ноября этого года. При реализации такого рода мероприятий весьма гармонично сочетались патриотический и промонархический контексты, сам механизм их реализации был максимально приближен к ожиданиям и потребностям, умонастроениям соответствующей социальной группы, не создавал обстановки отчуждения между представителями местной власти и чествуемыми Георгиевскими кавалерами. Не будучи специально акцентирована, цель укрепления и распространения промонархических, верноподданнических настроений, тем не менее, вполне достигалась самой атмосферой проведения празднований. Торжественная обстановка, высокий уровень представительства губернского и местного руководства, тонкое понимание психологии чествуемой аудитории, широкое привлечение общественности, уместное использование монархического дискурса способствовали тому, что благодаря широкому резонансу такого рода мероприятия значительно способствовали поддержанию авторитета верховной власти. Расширяя постепенно целевую аудиторию, инициаторы такого рода практик добивались и масштабирования социально-политического эффекта от их реализации. Не случайно, что подобная административно-политическая технология, апробированная в Тамбовской губернии, в предвоенный период стала тиражироваться и в иных регионах Российской империи.

В **заключении** формулируются выводы, которые были сделаны в результате реализации поставленных цели и задач.

В Тамбовской губернии как типично аграрной провинции Российской империи население демонстрировало традиционную патриархальную ментальность, обусловленную преобладанием в социальной структуре крестьянства. Процессы модернизации, имевшие место в Российской империи в том числе и в начале XX века, не смогли оказать существенного влияния на трансформацию основных установок, формирующих духовный мир провинциального социума. Исходя из этого, необходимо констатировать тот факт, что консервативно-монархический сегмент, несмотря на деформирующее воздействие, оказываемое на него такими событиями, как поражение в русско-японской войне 1904-1905 гг., революционные потрясения 1905-1907 гг., оказался довольно распространенным в структуре общественных настроений населения тамбовского ре-

гиона. Губернский аппарат и органы местного самоуправления использовали достаточно разнообразный арсенал методов для сохранения высокого уровня монархических настроений у населения Тамбовского края: от подачи верно-подданных адресов до организации соответствующих торжеств. Вместе с тем ритуализированный и откровенно канцелярско-бюрократический характер административно-политической деятельности местных органов власти по поддержанию и распространению консервативно-монархических установок у жителей тамбовского региона, слабая вовлеченность в эту деятельность общественно-политических структур определяли поверхностный и неустойчивый характер монархических настроений, консервировали зависимость их состояния от содержания и интенсивности воздействия внешней социально-политической среды.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ИЗЛОЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

Статьи в рецензируемых научных изданиях по научной специальности 5.6.1. Отечественная история, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

1. Офицеров, С. А. Динамика монархических настроений российского крестьянства в период русско-японской войны 1904-1905 гг. (на материалах Тамбовской губернии) [Текст] / С. А. Офицеров // Манускрипт. – 2024. – Т. 17, Вып. 4. – С. 692-696. (0,6 п.л.)

2. Офицеров, С. А. «Официальная преданность»: монархические настроения населения Тамбовской губернии в начале XX века (по материалам верно-подданных адресов) [Текст] / С. А. Офицеров, К. В. Самохин // Научный диалог. – 2025. – Т. 14, № 7. – С. 535-553. (1,26/0,63 п.л.)

3. Офицеров, С. А. 330-летний юбилей династии Романовых как фактор укрепления монархических настроений в Тамбовской губернии [Текст] / С. А. Офицеров // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2025. – Т. 30, № 4. – С. 976-987. (1,11 п.л.)

4. Офицеров, С. А. Монархическая пропаганда в городах Тамбовской губернии в 1905 году: содержание, субъекты, эффективность [Текст] / С. А. Офицеров, К. В. Самохин // Манускрипт. – 2025. – Т. 18, Вып. 4. – С. 1452-1456. (0,64/0,32 п.л.)

Статьи в других изданиях:

5. Офицеров, С. А. Антимонархические высказывания как индикатор политических настроений населения тамбовской губернии в начале XX века: опыт количественного анализа, их динамики и структуры [Текст] / С. А. Офицеров // Устойчивое развитие: традиции местного самоуправления и современность

(к 240-летию учреждения органов сословного дворянского самоуправления, к 160-летию начала деятельности земских учреждений в центральных губерниях России, к 155-летию подписания Городового положения, к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне): материалы IV Международной научно-практической конференции, Тамбов, 27–28 мая 2025 г. / отв. ред. А. В. Козачек, И. В. Двухжилова. – Тамбов: Издательский центр ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2025. – С. 143-148. (0,54 п.л.)

Общий объем публикаций составляет 4,15 печ. л. Личный вклад соискателя составляет 3,2 печ. л.